

“Моё наслаждение?”

Дрозд А.А.

18+

Дрозд Александрович Моё наслаждение?

<https://litres.ru/74342054>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман-адаптация написан по альбому рок-группы "Агата Кристи" : "Майн-кайф?" автора Глеба Самойлова. Представляет собой переосмысление музыки и расширение видения музыкальной формации. Каждый видит в нем либо историю в целом, либо как каждое отдельное произведение театрального жанра, если захотите. Лично как автор советую: прослушать музыкальный альбом данной группы, для понимания чувствительности происходящих ситуаций главных героев.

Дрозд Александрович

Моё наслаждение?

Моё наслаждение?

Оправдание.

Возможно ли передать свои фантазии в головы людей? Не знаю, тебе, читатель, виднее, сможешь ли воспроизвести их в своём сером веществе. Конечно, лучше видеть фантазии на холстах или в синемаатографе, но как у любого начинающего художника, у меня нет ни малейших средств на великое искусство, но, может, оно и к лучшему. Пишу эти строки в надежде включить в мозгу изображение переживаний, запечатленное на бумаге. Произведение, что держишь ты в руках, изначально создавалось как сценарий, выношенный мной в течение восьми лет. За долгое время он менялся много раз, пока не привиделся мне в таком вот виде. Да, рассказ поставлен по музыке, что делает его более индивидуальным среди простых словесных выражений сущности писателей, но, как было упомянуто, я не писатель, я всего лишь художник, не имеющий возможности на данном этапе моей жизни проявить себя иначе.

Начальное предназначение сей странной истории состоит в реализации представления, которое не каждому дано уви-

деть. Не нужно читать между строк, лучше представь себя в шкуре придуманных актеров. Я не старался описать всю тягость их сумасшедшего стремления к любви, ты сам должен увидеть то, что не подвластно каждому. Быть может, прочтя мои мысли, именно ты будешь единственным зрячим. Представленное тебе лучше услышать в звуках коллектива «Агата Кристи» в альбоме «Майн Кайф?», подстегнувшего сделать эксперимент с краской в виде пера и бумаги.

Что получилось - решать тебе. Не забывай включать фантазию.

С уважением: А.Д.

Пролог. Убитая любовь

Занавес. Выключается свет. В крошечной тьме раздирающим воплем начинается представление: крик женщины, для пущего эффекта - барабанная дробь; так делают для осознания всего, чтобы подчеркнуть ясность данного представления.

Публика уже заинтригована, гул стихает, на занавесе полукругом фокусируется свет, на сцену выходит конференсье - под умолкающий звук аплодисментов. На нем потрёпанный черный фрак, на руках не менее потертые черные кожаные перчатки; он становится по центру театральной сцены, приветствуя всех пришедших на столь долгожданную премьеру. Снова овации - в приветствии главного человека в таком событии; он жестом просит гостей успокоиться, зал умолкает, предоставив слово человеку, что решился явить миру столь неприятное произведение.

- Ах! - злобно, чуть шипя, произносит ведущий для поддержания театрального тона.

- Дамы и господа! - выдержав паузу, - Позвольте нам начать, и пьесу показать вам - чрезвычайно унылую и горькую по своему содержанию, как и все мелодрамы, рассказывающие про смерть, - выдержав снова паузу, дополняет, - и про любовь.

Звучит музыка, рвущая слух, грозная, но в то же время

ужасно депрессивная. Зал в ожидании всей постановки — застыл, предвкушая следующие слова столь загадочной фигуры.

- Невинность и инцест! - чуть не крича от громкой музыки, произносит он. - Гоморра и Содом! - На заднем плане появляется театр теней, показывающий некие картинки - ассоциации по произносимым словам.

- Предательство и так недоступная нам честь, а может и карлик с топором, если вам вздумается, уважаемая публика! - Музыка обретает иной ритм, более стремительный, вульгарный.

- И кто кого любил в этой вакханалии безумств, не разобрать уже и подавно! — дикий звук его голоса, сквозь усиливающийся рёв музыкальных инструментов, перекрикивает жуткую мелодию. - И кто кого убил там, решать уже не нам, это точно!

Музыка утихает, и вместе с ней - истеричный вопль представляющего постановку:

- Ведь пьесу, столь желанную для вас, играют мертвецы, и мертвецы в ответе за поступки прошлых дней, а вина и наказания им чужды! И мы, увы, и вы, зрители, давно уже мертвы, убита и любовь - на том и этом свете, грустным басом конференсье заканчивает пролог, - единственный лишь раз.

На этой ноте он, уходя, взглянул на манекенов, что сидят в партере.

Занавес открывается.

Глава 1. Пират

Не меняется Библия, сказания о Боге, но именно она наполнилась для меня неким новым, иным смыслом, неестественным, заоблачным, иллюзорно перемешавшимся в недосыгаемой глубине своей. Я её понял в сновидении, в момент безграничного полёта, что был для меня неким прозрением, которого, как бы я ни пытался, не перенести на бумагу. Словом, лишь прочувствовав это на себе, ощутив иллюзорную жизнь совершенно реально, будто действительность, что порой многие из нас не хотят принимать, отталкивая её от себя, блуждая в существовании до конца своих дней, и можно что-то понять.

Сны снятся редко, если в течение суток шестнадцать часов подряд приходится служить не во благо себе, а ради пустой идеи одного человека, непонятной даже самым великим умам философии. А после валишься с ног в совершенном безразличии, где придётся упасть на столь короткий отдых; проваливаешься в бездну бессилия, а после просыпаешься, словно и не было отдыха. Нет, я не отрицаю, многие всю жизнь работают «на износ», физически, непрерывно и почти без еды, не говоря уже о том, что за работу получают разве что поощрение в виде дополнительного куска хлеба; не каждый отважится на столь губительный для своего изнеженного организма шаг.

Ты закрываешь глаза, и глубокий, но чуткий сон овладевает всем твоим существом. И в преддверии великих перемен для меня самого оживает загадочная картина, немислимая, но пленяющая своей непорочной чистотой прекрасного заката, что не доведётся увидеть, наверное, никому в реальности. Возможно, лишь ваша фантазия - с моих слов - немного поможет взглянуть на увиденное мной.

«Огромных размеров огненный шар пока не зашёл за горизонт; не двигаясь, кучевые облака замерли, любясь последними лучами солнца, отражающимися в воде, застывшей в безукоризненном своём штиле. Быть может, после я отдам всё, чтобы увидеть этот пейзаж ещё раз. Я стою на воде, на её прозрачности, не двигаясь с места, плавно притягивая на дно так приятное для меня свечение; и вечностью длится одна секунда, но у времени тоже, видимо, есть свой предел...

При всём моим нежелании, с дикой скоростью от моего взгляда удаляется горизонт. Темнеющие, только что светло-голубые, почти белые, облака превращаются в грозовые тучи, и чем дальше удаляется от солнца мой взор, тем менее становится рай в моём понимании действительным. Необъяснимым образом тучи превращаются в стены, преграду, созданную воображением, из стен вырисовываются скалы, а скалы преобразуются в рифы, затянувшие своей тьмой яркие лучи света.

Оказалось, что я стою на корабле, огромном боевом га-

леоне приблизительно шестнадцатого или семнадцатого века.

Ни солнца, ни рая не было - будто привиделось всё странной надеждой на лучшее. Вместо этого траур, ощущаемый в каждой части корабля, куда бы ни устремился мой взгляд. Разорванные в локуты паруса болтаются на реях, с нетерпением дожидаясь момента, чтобы оторваться от рангоута и такелажа, насильно задерживающих ткань от стремления улететь в неизвестность. Местами прогнившая палуба, в искажённости, свойственной мнимому миру, полному некоего сюрреализма - изломанные линии, очертания наружной части судна, размытые мелочи. Определённо должны присутствовать троса, пушки, штурвал — но они не просматриваются в еле проясняющихся отрывках моей памяти. Внешность моя выдаёт отрицательные эмоции - своей неухоженностью и разбитым, угнетающим видом. Вся команда стоит ко мне спиной. Матросы, офицеры и некие люди в шикарно вышитых одеждах - слуги, что явно отличаются ото всех своей белой, но в то же время небрежной формой, молча стоят от каюты капитана по всей палубе галеона. Их лиц не увидеть, не двигаясь с места, мрачные, опустившие головы люди, словно шахматные фигуры, стоят каждый на своём месте.

Я пытаюсь приблизиться, взглянуть более внимательно на живые статуи. Но как ни прикладываю усилий идти или бежать вперёд — и оказываюсь на одном и том же месте. Двигаюсь по кругу, и кажется, фигуры специально поворачива-

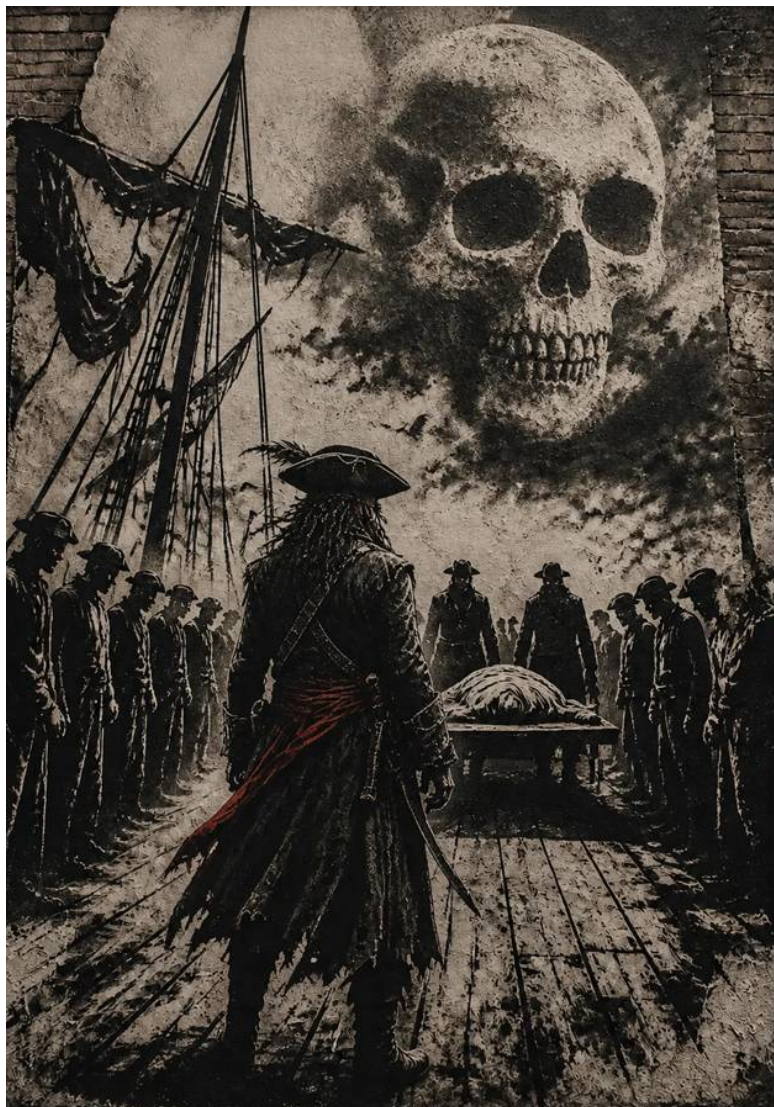
ются спиной, не являя мне своих лиц, как будто не было их вовсе. Лишь далёкие отзвуки голосов летают среди тишины, сотворённой для контраста со зловещим шумом за спиной. Я просто останавливаюсь, и в доли секунды окаменевшая команда выстраивается в две шеренги - как по невидимой натянутой нити. Стоя у борта корабля, я так и не вижу их лиц, и я прекращаю свои попытки. Никаких предрассудков, ни званий, ни цвета кожи, ни толстого кошелька и ни характера убеждений не разобрать, лишь только по росту выстроенные, склонили они головы ниже прежнего. Тусклое свечение показалось из капитанской каюты. Свет загородили два огромных моряка, видимо, самых крепких и сильных обитателя мёртвого судна, за ними вышли ещё два, не менее громадных, человека, идущих в ногу. Чуть подойдя, что теперь удалось мне без труда, я вижу, как они несут деревянную столешницу, и чем-то происходящее напомнило церемонию погребения. Нет, это и есть прощальная литургия. На столешнице лежит тело, закутанное в белую ткань, облегающую умершего, так, что видна почти каждая часть его тела. Лиц выносивших тоже не видно, как и всех остальных. Они идут ко мне боком, смазанные как масляные краски на холсте, постоянно меняя свои очертания; как будто мое подсознание специально стирает их в моей памяти. Первая и последняя мысль в голове стремительно врезалась одним странным чувством смятения и скорби.

Сам себе я рисую ответы на заданные во сне вопросы:

«Умер король, отец вседержитель, создатель меня?» И мыслью этой рождаю множество новых вопросов: «Кто он, кто я?» - «Мёртв» – произнесли уста мои без единого усилия, без понимания этих звуков. Эти слова засели в голове, в дико разверзшемся мозгу: «умер, скончался, мёртв» - неустанно летало в не понимающем ничего разуме, смешиваясь в кучу, ввергая в растерянность и шоковое состояние. Судно словно распадалось, выходя из-под контроля, из равновесия, но, не собираясь быть поглощённым морской пучиной, просто и незатейливо стало растворяться в воздухе. Полупрозрачным становится галеон перед глазами - вместе с его обитателями. Подняв руку, я вижу как вместе со всеми исчезает и моё тело, но страха, паники я не чувствую. В один из странных моментов происходящего я замечаю ребёнка лет шести, что, не исчезая, но почти незаметно за живыми полупрозрачными статуями, медленно подходит к закутанному телу и касается его головы. В этот миг я на мгновение исчез, пропал во тьме, в не известном никому небытии.

Корабли, везде корабли, они поселились во мне, и я ни о чём другом не могу думать. Я переживаю за ребенка, которого так плохо разглядел. Во сне часто происходит так, что о ком мы переживаем, теми и становимся, но не сейчас. Ребёнок не был похож на меня: бледная кожа, светлые волосы, обычная одежда; большего мне не запомнилось. И вот я понимаю, хотя это всего лишь предположение спящего на тот

момент человека: быть может, сценарий, придуманный мной
- предназначение чего-то?

Я открываю глаза, не помня, закрывал ли их, и вижу корабль, похожий, но уже не серый, и цел его корпус, и нет больше траура — видимо, и не было его. Я парю над ним, лечу, словно душа, высвободившаяся из заточения тела; озирая взглядом с высоты его живой лик, окутанный тонкой пеленой загадочного, то болотного, то местами голубого тумана. Нас двое: я и корабль, и тонкая связь между нами - туман, а вокруг тьма, ни моря, ни земли, всего лишь тьма, которая позволяет быть тем, кем мы хотим себя видеть. Закрываю глаза на миг, будто что-то заставило меня сделать это. Я оказываюсь на этом корабле; и ясно стало, что он - не галеон, а скорее бригантина, в полной своей красе, с золотыми окантовками на поручнях и бортах судна. Видно, что судно не новое, и побывало уже в сражениях; его выдает немного потёртый вид и несколько замененных палубных досок. У него есть своя история — может, история кровопролития.

Подняв голову, чтобы взглянуть на мачту с убранными парусами, я вижу черный флаг, рвущийся от сильного порывистого ветра, напоминая о лоскутах разорвавшегося паруса; видимо, небеса не дают ему сорваться с флагштока и улететь в море. Теперь слышны голоса, отчётливые слова на непонятном мне языке. Рассеивающийся туман обнажает палубу. Та же команда, что была на предыдущем судне — но не застывшая, занимается своими обязанностями. И нет больше горя и печали, будто происходящее со мной пару секунд

назад для них было очень давно, что не вспомнить им прощание с королем, наверное, уже никогда. Почему-то опять вспоминается ребёнок, маленький сын, что с болью в каждом движении своём подошёл к телу короля. Я думаю о нём, чувствуя его боль, сжимающую грудь ощущением никчемности человека. Спёртый, отравленный воздух, горечь, вставшая комом в горле, и одновременно накатывающая слабость не дают забыть, постоянно напоминая ту картину. А для всех остальных, что мечутся по кораблю, есть новый король, как его ни назови, он для них кукловод, и для неизвестного мне ребёнка, успокаиваю я себя, наверное, отведена новая роль. Мои переживания только о нём - совершенно неизвестном мне мальчике. Двигаюсь по палубе, пытаюсь узнать хоть у кого-нибудь, что происходит и где тот ребёнок. Но никто не обращает на меня никакого внимания. Прозрачность становится понятнее, когда сквозь меня проходит матрос, а скорее боцман пожилого возраста. Оглянувшись, как будто заметив меня, старый, но все ещё крепкий мужчина уходит спокойной походкой бывалого морского волка, не обращая внимания на легкую качку, взглянул прямо мне в глаза. «Неужели он увидел меня?» - пробегает мысль. Пытаюсь сделать шаг, меня поглощает туман, что обволакивал только что мои ноги - расплывается от ступней на несколько метров.

Проходит немного времени - и туман рассеивается. Снова галеон, уже разбитый о рифы, и нет никого - только тело короля. Я подхожу к нему, кладу руку на его укутанную

тканью голову. Так не должно было быть, я падаю ниц у его тела, что недавно дышало и было горячим. Внезапно понимаю - я вижу ту же сцену, что и раньше, смотрю глазами ребёнка и чувствую его внутреннюю боль. Я ощущаю этот запах, запах горечи, что напоминает испорченное мясо. И снова туман, он подкрадывается со всех сторон, издавая этот гнилостный запах, он странного тёмно-зелёного, скорее болотного, цвета; обвивающий и пугающий меня до глубины души неестественным, то ускоряющим, то замедляющим свой ход движением. Весь корабль покрывается его ядовитым смрадом; угнетающе обвивает туман все мое естество, одолевая изнутри своим страхом так, что невозможно сделать движения. Словно муха нахожусь я в паутине страха, как вырваться из его когтей, не имею понятия. Запах вливается своей зеленью мне в разум, я чувствую страх, который охватывает всё мое существо.

Немыслимо зло, что почувствовал я, увидев себя со стороны, ибо туман стал моим продолжением. Я вижу месть, открывающую непостижимые простому человеку горизонты. Теперь нет порядка, зато есть свобода. Словно пират, отверженный миром, захватываю мироздание, получая великую эйфорию от происходящего, свободу от человеческих предрассудков и ангельских убеждений. Я смеюсь над страхом, который победили месть и злость, охватившие мой разум. Никчемные душонки бывших героев, слабых и смешных, трепещут в страхе своём перед ползущим гадом, шипя-

щим на них ради забавы, ведь все виновны и прокляты перед богами своими. И знамя моё стало цвета тени, что будет всегда рядом с ними, будет преследовать их, напоминая о моём существовании.

«Что мне терять?» Внезапно я подумал о матери. «Это мой выбор, не жди меня, но знай: с тобой я буду рядом. Наркотический дурман овладел мной, дав то, чего я так долго ждал: свободе, овладевающей мной, нет предела, такова моя суть. Прости. Может, я жесток, но, насколько один человек ради добра может натворить зла, настолько, следовательно, моя злость к окружающему миру и жестокость - не иначе как моё жертвоприношение - во имя добра. Так надо. Крест водружаю на себя, испепеляя пламенем мести моей, все, что преградой станет на пути, полетит до самого ада - вместе со мной».

И воссев там, на трон великого пандемониума, велю найти всех, кто находится в геенне огненной; будь то разбившиеся о скалы, павшие своей смертью или в сражениях, погрязшие в грехах, виновные и наказанные лишь душою своей - будут наказаны вновь. Отмщением казнены, пожирая души ближнего своего, отдавая части себя на съедение другому. Не дам возможности на спасение, чтобы ощутили на себе боль и потерю, питаюсь лишь надеждой конца, что не может быть в бесконечности. Лишь волею судьбы насытившись мстью, вознесусь над происходящей для моего глаза картиной, останусь в раю, которым будет для меня ад.

Да, я буду пиратом, среди честных, ползушим предателем себя самого, так как честен буду, разве не честность провожает людей на их грехи чёрного знамени, цвета мести и траура, нейтральной полосы между двумя мирами, становящейся для кого-то точкой отправления, и чаще всего точкой конечной. Я умру, но душа будет вечна, так надо, так придумано до нас. И потекут мои слёзы по несчастным, омывая их, грешников, пламенем, уничтожая преграды на пути до света всевышнего, до самого рая. Взирая на мир тысячами глаз, замечая лишь густой, тёмно-зелёного, скорее болотного, окраса туман».

Не увидев заключения, я проснулся - от ужаса, всколыхнувшего меня, осознав, что это всего лишь сон. Я уже не мог спать, задумавшись над видением, я осознал, что никогда не задавался вопросом о своём отце, и не интересовался его жизнью. И даже сейчас нет мне до него никакого дела.

На горизонте вставало солнце. Похожим на увиденный во сне пейзаж видом начинался новый день, очередной бессмысленный день, в котором нет нечего совершенного. Лишь сон, что я видел, не давал мне покоя, но и это пройдёт. Со временем.

Глава 2. Секрет

Не важно, сколько прошло времени, что произошло за все наши пропущенные друг для друга годы, как много мы по-

теряли, как мало осталось в прошлом. И я хотел бы забыть эти несколько врезавшихся в память мгновений, но все равно вызываю их образ в своей голове. Я, таким образом, издеваюсь над самим собой за свои ошибки, за поступки, непростительные мне, словно и после смерти буду идти - и думать о тебе. Нет, я не жалуясь, привычной стала мысль о тебе, и не о чем думать, когда всё что нужно от жизни - это иметь возможность увидеть тебя. Жаль, что понял я это слишком поздно, но всему своё время. Меняются пейзажи; времена года, по смыслу своему одинаковые во всём, неразумные, но целеустремлённые; шаги, теряющие такт от усталости. Я иду, не понимая, что стою на месте. Возможно, это рок - избегать паршивого бытия, оканчивающегося в подобных ситуациях разве что пулей, а может и хуже, оставаясь в живых, с нетерпением дожидаться собственной кончины от неосуществлённого смысла своей жизни. Ведь смысл оказывается во власти круговорота вопросов: возможно ли? зачем мне это? вдруг это самовнушение? и самовнушение ли это?

...Неистребимый плод фантазии, одолевающий помимо сердца всё существо моей души вплоть до разума, разрушающий действительность и умение владеть собой.

Уже три недели иду по прямой, боюсь каждого шума, каждого живого человеческого звука, скитаюсь по залитым кровью полям и сёлам, где не осталось жизни - иначе не могу. Я беглец, дезертир, загнанный своей надеждой, желанием найти смысл моего существования в угол, я пытаюсь найти этот

смысл в твоих глазах. Не знаю пути, продвигаюсь сквозь вечную тьму в редкие моменты, когда светит солнце, выискиваю свет его, который подскажет мне направление. Страх нет. Но мне боязно от мысли, что не смогу пройти свой путь до конца, и ещё я трясусь от мысли о самом пугающем: увидеть тебя не такой, какой думал увидеть, не такой, какая ты есть в моей голове.

Думаю о тебе - и спрашиваю небеса: «Думаешь ли ты обо мне в этот момент, хочешь ли видеть меня, помнишь, или не вспоминаешь, и что будет при нашей встрече?». Уверенный в своём превосходстве, как напыщенный, горделивый петух, самонадеянно уверяю себя, что может быть иначе, чем в кошмарах.

Все потаённые фантазии, рождаемые желанием, лишают терпения, открывается второе дыхание, хочется как можно скорее найти тебя. Предвкушаю сладость губ твоих, страсть, что очарует нас, впрыскивая в наши вены великую любовь. Как же я похож в эти мгновения на четырнадцатилетнего мальчишку, никогда не видевшего в жизни женщины во всей красоте, не имеющего понятия, как ты божественна своими изгибами линий, нравом львицы, которая прячется в душе у каждой женщины, грациозно, как кошка, выгибая спину. Желание обладать каждой клеткой твоего тела доводит до сумасшествия, омрачает возможность преобладать над тобой, вызывает лишь массу негативных эмоций и агрессию, выплёскиваемые на родных мне людей. Но возраст уже не

тот и успокоить свои нервы не на ком, просто иду, спотыкаюсь от овладевшей мною усталости, тороплюсь, насколько это возможно.

Да, жизнь такова, что за все, даже с виду незначительные, ошибки приходится платить. Сам ввёл себя в безвыходное положение, сам оттолкнул тебя, сделав тебе, может, гораздо большее, чем больно мне от осознания своих неправильных действий. Теперь не могу простить себе это, но время лечит, и ты всё забыла, но я не могу отпустить тебя из своего сердца. Мой эгоизм вновь оправдывает меня, подтверждая лишь твою вину. Это ты закрыла своё сердце, хладнокровно, не думая, навесила на него цепи, даже понимая, что никто больше не сделает тебя счастливой, накинула на них замок фальши, угнетающей нас обоих. И как бы ни хотел, ни пытался я войти в твою душу, нет возможности. Как же я мог это допустить? Когда-то мы нравились друг другу, может – любила? Хотя было ли чувство? Может быть, всего лишь играла, словно со щенком, которого тебе никогда не подарят? Такое забыть невозможно...

Схожу с ума от раздирающей боли в груди, отчаиваюсь и единственным выходом вижу - взломать твой секрет, разорвать те оковы, добиться возможности стоя на коленях задать единственный вопрос, мучающий меня, моё сознание, с того момента как мы перестали видеть друг друга. И в воображении вновь слышу твой голос, вижу твоё лицо, тело. Ты предстаёшь всегда по-разному, никогда не похожа са-

ма на себя. Снова и снова прокручиваю в сознании слова, что скажу тебе, анализирую твой предполагаемый ответ. Память выдаёт лишь понимание: кто ты - и какое всё-таки ничтожное существо я - боготворящее, ставящее тебя на пьедестал, молящееся твоему снисхождению. Реализм отрывает глаза: естественно, ты, боясь одиночества как огня, не можешь жить одна. Как хочется оказаться на его месте, быть им, страстно целовать твою шею, руки, грудь, и как болезненно, до дрожи в ногах, мечтается увидеть его уничтоженное, бездыханное, втопанное в грязь тело - и танцевать на его прахе в лунном сиянии ночи, вместе с тобой.

Ненависть проходит. Низкая самооценка снова занимает своё место. Так нельзя, и виновен в этом только я, не появившись тогда, на следующий день, у твоего порога. Смятение чувств и злость путают все действительные и нереальные события, может, и усталость дает о себе знать. Ночь закончилась, и скоро рассвет. Надо искать себе место, где можно укрыться; они все будут искать меня: свои, что стали врагами, чужие, что остаются врагами; нет больше мира, осталась ты, недостижимая моя цель. Ты виновата, я думаю, что предал тебя, но ты не имеешь понятия, какую цену я заплатил. Никто кроме тебя, лишь одна ты можешь ответить на столь мучительный для меня вопрос: «Любишь ли меня до сих пор, простишь ли мне мои грехи, желаешь ли быть со мной?» Но нет, наверное, я самоубийца, решившийся на столь решительный шаг, это и есть моё наказание.

Да, я романтик, искалеченный собственным эгоизмом, живущим в каждом из нас. И, чёрт возьми, о чём я думаю?! Ты даже не посмотришь в мою сторону, отвернёшь нос, будто не знаешь меня. Либо я буду мчаться к тебе и без единого угрызения совести взломаю твой секрет, который так глубоко запрятан от меня. Я буду тратить все силы, восполняя их ненавистью к тому, кого обожаешь; заставляя твои невинные с виду глаза плакать; изошрённо вынуждая тебя толкать истинную правду на эшафот. Либо применю другой способ, который, скорее всего, не даст желаемого результата. Лживые, дурманные голову и всё бытие уста произнесут ключевые слова от истомы, которая терзала сердце на протяжении долгих лет, чувствуя отвращение к каждому слогу, звуку, воздуху, выходящему из твоих лёгких, и я не поверю не единому слову.

Да, я романтик, что болен тобой; отчаявшись, ищу свою музу, и чем больше провожу времени в поиске, тем больше сомнений и злости проявляется вместо желания любить; как опытный убийца, подкрадываясь со спины, бьёт моя ненависть по остывающему доверию к твоему образу. Фантазия рисует иной сценарий продолжения: ты начнёшь умолять поверить тебе - и я сдамся, ведь ты уже моя полностью, только изредка будет вспоминаться, как ловко пленила меня, как обвела вокруг пальца. Секретов станет больше: где ты была? что делала? с кем общалась? И жизнь станет невыносима, иначе не может быть. Я был неправ, ты существо, не желаю-

щее ответить мне взаимностью, но я добьюсь своего.

Если этой ночью тебе не спится и раздражает шум в твоей голове, шорох, скрежет, что спускается по тёмным уголкам твоей спальни, скрипя когтями в гробовой тишине, то лучше тебе помолиться своему богу, хоть он и не защитит от стремления проникнуть к тебе сквозь стены, воздух и твои мысли. Как невиданный науке жук, живущий всегда рядом, в закоулках потаенного страха, порождённого невыносимым желанием, я иду к тебе. Я ползу на своих бесчисленных лапах, проникая сквозь щели между окон, в замочную скважину последней двери, что открывает путь к ответу, ожидаю момента, чтобы понять твой секрет, ставший для меня смыслом всего сущего.

Тебе страшно и непривычно стыдно? Уничтожаешь все, что может мне сказать о твоих мыслях, окутываешь их белоснежным забвением, не подозревая моего стремления постичь их. Ты напрасно отрываешь своим игрушкам головы, не ведая силы, порождённой ненавистью, лишь за то, что есть любовь к тебе. Поздно закрывать рты окружающим людям, мне это не важно, даже сквозь подушку слышу то, что хочу слышать. Невозможно спрятаться — всё, что желаю, будет моим. Пытаешься сопротивляться, и, тем не менее, неоднократно причиняешь себе боль, даря мне блаженство, подпитываемое нежеланием сдаться, воспламеняя неизлечимую болезнь влечения к тебе, заставляя моё тело двигаться только вперёд, навстречу тебе, сквозь наше общее наказание.

Глава 3. Красная Шапочка

Насколько возможна роковая встреча? Кто-то ответит, что это невозможно вовсе - может быть, один случай на миллион, хотя и это всё выдумки и свою судьбу мы пишем сами, а кто-то скажет, что всё в нашей жизни предначертано кем-то или чем-то. Когда женщина отдаёт своё тело за деньги, это ли судьба? Судьба - когда умирают дети? Возможно. Но возможно, это не предначертание судьбы, а всего лишь потребность нашей души осознать то или иное, оставить после себя что-то - и умереть, исполнив своё предназначение или предначертание судьбы.

Во время войны и разрушений, бесчинств и отчаяния многое меняется. Лишь тот факт, что два совершенно незнакомых человека могут встретиться ночью, в лесу, без единой мысли ограбить или напасть друг на друга в более изощренных целях... В густой чаще деревьев, будь то сосны или ели, во мху или зарослях кустарника на земле, в осеннем запахе, навевающем воспоминания о первом десятке лет жизни, в свете луны, отдающей тусклым оттенком серебра, может прийти в голову много вопросов. Он - всего лишь человек, как сотни ему подобных, она - несчастная девушка лет двадцати, прекрасная внешне, но, несмотря на это, не легкомысленна, а целомудренна. Возможно, даже более, чем все её сверстницы, имеющие в этом возрасте семью и не

по одному ребёнку. Воздействие неких факторов воспитания или невыносимой жестокости со стороны ровесников в юном возрасте? Предполагать можно многое, насколько хватит фантазии. Встретились они, и словно по линиям судьбы их встреча произошла в столь неудобном для романтического столкновения месте. Это судьба? Может, всё же случайное совпадение?! Решит каждый для себя сам. Позже.

Преодолевая усталость, он обращает внимание лишь на то, что под ногами; бросает взгляд на тропу и движение ботинок, а слух его улавливает шаги, разбрасывающие опавшую листву, и шорох пожелтевшей травы. Но в кромешной тьме, освещённой полумесяцем, его бледным, будто почерневшее серебро, свечением, их силуэты пересеклись. Невозможно сказать, кто первый заметил в темноте фигуру другого - их разделяло приблизительно пятьдесят шагов. Она испугалась беглого преступника. Не могла открыть рта и дать понять, что сама бежит от своей совести, стыда и тяжкого презрения к себе, поселившегося у неё в душе. Ему не нужно было объяснять, что лишнее движение вперёд даст отрицательный эффект, и фигура, стоящая у него на пути, станет инстинктивно звать на помощь, или произведёт выстрел из оружия, возможно лежавшего за пазухой. Страх не было, не было и чувства конца, только лёгкая эйфория обессилившего от голода организма. Она стояла как вкопанная, не имея понятия, что произойдёт в ближайшие секунды; он молчал минуту, предполагая и высчитывая следующее действие. Двух шагов

назад было достаточно, чтобы её голос произнёс:

- Пойдите, - на почти непонятном, забытом для его слуха польском языке. - Пожалуйста, проводите меня. - Интонация дрожащего, прекрасного голоса подразумевала фразу: «Мне страшно». словно по велению чьей-то

немыслимой силы, он подошёл к ней ближе. Её очертания стали чётче: сапоги даже в темноте выделялись своей ухоженной лакированной кожей, и дальше - ослепляющее своей красотой женское тело, высоко поставленная грудь, скрывавшаяся под полушубком на два размера больше её самой, длинные волосы, большие серые глаза, отражавшие сияние полумесяца, этого ненасытного до амурных дел светила. Взяв нежную руку так, что указательный палец прильнул к её запястью, он чувствовал через пульс, как сердце трепетно билось в груди от неизвестного ей до этого прикосновения, будто не дотрагивались другие мужчины до её рук с уважением, а может и вовсе не ласкали этих нежных кистей, пальцев, ладоней.

- Провожу, - плохо говоря на польском языке, но хорошо понимая его, с неким радостным блеском в глазах, не отпуская её руки, произнес человек.

- Туда. Там море. - Девушка указала путь, при этом её учащённый пульс стал успокаиваться.

- Море? - удивился он. - Не думаю, что в это время кто-то может тебя ждать.

Она лишь взглянула ему в глаза, дав понять, что не слыш-

ком хорошо поняла его речи.

- Пойдём, - произнесла она.

Путь оказался неблизким; по пути они пытались понять разноязычный разговор друг друга, всё так же держась за руки. Он нежился от приятного тепла её ладони, от присутствия так близко первого человека, разговаривающего с ним за последнее время. Она - скорее от ощущения надёжности: возле него страх улетучивался; хотелось идти и идти, ощущая возрастающую симпатию к незнакомцу. При свете луны она казалась ангелом, спустившемся к нему с небес. Идя рядом по дороге, обещающей спасение души, срывая цветы и подбирая в темноте нужный колорит для небольшого букета, мило, без волнения, с половины понятных фраз, рассказывала, что нормальная жизнь кончилась, когда начался голод, земли не приносили урожая, а всё, чему удавалось вырасти, забирало государство - на нужды армии. Единственным способ прокормить родственников и себя являлась продажа собственного тела в грязных кабаках здешних сёл и деревень, лишь солдаты имели возможность тратить деньги на все, что есть внутри этих злачных заведений. Практически все молодые женщины, несмотря на свою невинность или замужество, посещали местные забегаловки. Их можно понять - голод всегда доводит до отчаяния. Что было дальше - весьма предсказуемо. Целомудрие, наивное представление о действительности... Она не смогла перебороть свою гордость. У каждого человека своя правда... Он слушал не перебивая, не

понимая целостно предложений, но видел, как важно для неё выговорить своё горе. Близкие на тот момент люди порицали её, насильно заставляли заработать на кусок хлеба подобным способом, о котором не раскроет она секрета до конца своих дней, лишь открыв, что подобное доходило вплоть до унижения лишь за то, что не могла предать то, во что верила. Она не убежала из собственного ада, её выгнали самые родные люди, о которых по стечению обстоятельств не упомянула даже имён, они умерли для неё в тот же момент, как она исчезла для них. Она говорила об отце, которого не стало в начале войны, что он рассказывал, будто в море ждёт её новая жизнь; боясь потерять единственную дочь, он не пускал её так далеко от себя. Теперь его нет, и некому ставить перед ней преграды, и это единственная цель в скитаниях проклятой жизни. Большинство слов осталось ему непонятными, но главная часть её переживаний была отчётливо видна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.